

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 33–40.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 117, no. 2, pp. 33-40.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
 (юридические науки)**

Обзорная статья
УДК 342.5

**ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ПРАВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
 Л. Н. ТОЛСТОГО: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

Егоров Александр Александрович

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
 Москва, Российская Федерация, egorov.a90@mail.ru

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные как с анализом концептуальных моделей понимания права, так и с авторским подходом, изложенным в трудах Льва Николаевича Толстого. На основе анализа взглядов Л. Н. Толстого на вопросы понятия, сущности и отраслей права демонстрируется резко отрицательная оценка эксплуататорского права и государства. При этом формулируются промежуточные и итоговые выводы, позволяющие переосмыслить отдельные аспекты юридических воззрений писателя и оценить их значимость и состоятельность для современности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили первоисточники в виде трудов Л. Н. Толстого, а также соответствующие научные и публицистические материалы, позволяющие проанализировать его концептуальные идеи. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ доктринальных философских и правовых источников по проблеме понимания права, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть подходы к понятию и сущности права, значению отраслей права в контексте изучения философских, литературных и юридических воззрений Л. Н. Толстого с целью преодоления теоретических и практических дискуссионных моментов его политико-правового наследия.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил уточнить понятие, природу и деление права на отрасли в рамках наследия Л. Н. Толстого, а также оценить теоретическую и практическую значимость его философских, литературных и юридических воззрений.

Ключевые слова: право, государство, отрасли права, буржуазное право, справедливость

Для цитирования: Егоров А. А. Вопросы понимания права в политико-правовых воззрениях Л. Н. Толстого: современное прочтение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 33–40.

**5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences
(Legal Sciences)**

Review article

**THE CONCEPT OF LAW IN THE POLITICAL AND LEGAL VIEWS
OF L. N. TOLSTOY: A CONTEMPORARY READING**

Aleksandr A. Egorov

Moscow State Law University named after. O. E. Kutafina (MSAL), Moscow, Russian Federation, egorov.a90@mail.ru

Introduction. The article explores issues related to the analysis of conceptual models of understanding law, as well as the author's approach presented in the works of Leo Tolstoy. Based on an analysis of Tolstoy's views on the concept, essence, and branches of law, the article demonstrates a strong negative assessment of exploitative law and the state. The article also presents intermediate and final conclusions that allow for a reevaluation of certain aspects of the writer's legal views and assess their significance and relevance for modern times.

Materials and Methods. The study was based on primary sources in the form of L. N. Tolstoy's works, as well as relevant scientific and journalistic materials that allow for the analysis of his conceptual ideas. The study employed a dialectical method, analyzed doctrinal philosophical and legal sources on the issue of understanding law, used methods of generalization and grouping of data, as well as the comparative legal method and the historical legal method.

The Results of the Study revealed approaches to the concept and essence of law, as well as the significance of legal branches in the context of studying Tolstoy's philosophical, literary, and legal views, with the aim of overcoming theoretical and practical discussions regarding his political and legal legacy.

Findings and Conclusions. The analysis conducted allowed us to clarify the concept, nature, and division of law into branches within Tolstoy's legacy, as well as to assess the theoretical and practical significance of his philosophical, literary, and legal views.

Keywords: law, state, branches of law, bourgeois law, and justice

For citation: Egorov A. A. Voprosy ponimaniya prava v politiko-pravovyh vozzreniyah L. N. Tolstogo: sovremennoe prochtenie [The concept of law in the political and legal views of L. N. Tolstoy: a contemporary reading]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 33-40. (In Russ.).

Проблема понимания права относится к числу основных для всей юридической науки. Именно от правильного понимания данного термина зависит эффективность правотворчества и правоприменения. Современные подходы детерминируются не только сложившейся системой социальных ценностей, но и накопленным доктринальным опытом, который не исчерпывается сугубо юридическими исследованиями. Не менее важную роль играет общественно-политическое, мировоззренческое восприятие вопросов понимания права.

При всем многообразии дефиниций понятия «право» все эти подходы сводятся к четырем классическим типам: юридический позитивизм (нормативизм), при котором под правом понимается совокупность норм, устанавливаемых или санкционируемых государством; социологический позитивизм, трактующий право как реальные общественные отношения, имеющие юридически значимые последствия; теории естественного права, которые выводят этот социальный регулятор из разума или природы общества и человека; философское понимание права, представители которого ассоциируют его с разумной свободой человека. Эти подходы отмечает О. В. Мартышин [1, с. 18–19]. Очевидно, что первые три типа имеют в своем основании какой-либо основополагающий принцип: норма, исходящая от государства; общественные отношения, сложившиеся в результате применения права; свобода человека как осознание необходимости соотносить свои действия с разумной необходимостью. Что же касается философского понимания права, то при всей его внешней привлекательности оно является достаточно умозрительным и абстрактным.

В этом смысле можно согласиться с мнением М. И. Байтина, который отмечал, что философское понимание права весьма расплывчато, так как никакие высокие идеалы не могут служить альтернативой властному нормативному регулятору [2, с. 252]. Конечно, можно апеллировать к тому, что М. И. Байтин находился под влиянием доктрины советского нормативизма и попросту не мог думать иначе. Вместе с тем нельзя не отметить, что при всем уважении к философскому типу понимания права этот подход не имеет каких-то четких критериев, что объясняется наличием множества философских учений, субъективными предпочтениями конкретных мыслителей, наличием государственного или общественного заказа на научные исследования и иными социально значимыми обстоятельствами. Тем не менее именно философское понимание права позволяет преодолеть его односторонне утрированное восприятие.

В этом контексте следует обратиться к наследию великого русского писателя и общественно-политического мыслителя Льва Николаевича Толстого. Его мировоззренческие, философские и правовые идеи формировались в сложных конкретно-исторических условиях. Стоит упомянуть общую историческую обстановку, в рамках которой складывалось его авторское понимание права.

Конец XIX столетия в нашей стране прошел под знаком значительного роста преступности, ставшего результатом множества нерешенных социальных проблем. Существовавшая система капиталистических отношений, основанная на максимальном закреплении крестьянского населения, разрушала традиционные устои деревенской жизни. Крестьяне вынужденно мигрировали в города, где они зачастую не могли найти применения своим силам. Результатом этих тенденций явился рост преступности в среде крестьянского населения [3, с. 16]. Подобная общественно-политическая обстановка не могла не отразиться на воззрениях Л. Н. Толстого.

Право как феномен общественной жизни всегда интересовало Л. Н. Толстого, который еще в юности ассоциировался у него с поиском и объяснением всего «странного и неясного» в устройстве жизни людей. В этом смысле его острой критике подверглось современное ему право, которое по своей сущности и социальному назначению имело эксплуататорский характер.

Сразу следует оговориться, что Л. Н. Толстой, рассуждая о праве, большинстве случаев не использовал этот термин, с которым в его понимании ассоциировалось только

по-настоящему справедливое право [4, с. 30, 55]. Более того, он акцентировал внимание на том, что «народ слово «право» никогда не употребляет. У них на языке его никогда нет» [4, с. 30]. Представляется, что это обстоятельство вполне объяснимо конкретно-историческими причинами: безграмотность большей части населения; эксплуататорская природа государства и права.

По мнению Л. Н. Толстого, термины «законы», «узаконения» всегда несовершенны, а зачастую ложны и несправедливы. Вместе с тем В. И. Смолярчук полагает, что речь идет о праве, о совокупности правовых норм, существующих в обществе [5, с. 90]. С этой позицией в целом можно согласиться, предположив, однако, что Толстой признавал истинным правом официальные законодательные нормы, основанные на принципе справедливости, т. е. право для него – это не государственное право, а скорее желательное, идеальное право.

Идентифицируя суть «узаконений» как требование «исполнять известные правила», Л. Н. Толстой был категорично убежден в том, что эти правила в принципе не могут определяться соображениями «общего согласия» или общей пользы». Вероятно, это точка зрения основана на идее непротivления злу силой и продиктована скептическим отношением к государству, позитивному праву, суду и судебной системе как одной из самых репрессивных форм насилия. В этом проявляется евангельская установка: не судите, да не судимы будете.

В своей статье «Рабство нашего времени» Л. Н. Толстой безапелляционно заявлял, что число людей, которые нарушают или желают нарушить «узаконения» людей (не нарушающих их сугубо из страха наказания) всегда превосходит число желающих их исполнять. Он признавал существование множества «узаконений»: бережно относиться к телеграфным столбам; почитать известных людей; не посягать на землю и предметы, являющиеся собственностью тех или иных лиц; исполнять воинскую повинность и т. д. Соблюдение этих «узаконений» может иметь различную мотивацию, но, ни одно из этих «узаконений» не может выступать выразителем воли всего народа. Следовательно, Л.Н.Толстой пришел к твердому убеждению, что любое «узаконение» приводится в исполнение путем принудительного навязывания воли одних людей другим людям [6, с.126]. Следует признать принципиально верной позицию писателя, что ни одна норма права не может выражать волю всего народа (это обстоятельство самоочевидно и не нуждается в доказывании). В то же время неверным представляется тезис о том, что большинство членов общества, выражаясь современным языком, отличаются маргинальным правомерным поведением и соблюдают закон сугубо из страха наказания.

Таким образом, по справедливому замечанию В. В. Ячевского, общий опознавательный знак всех «узаконений» в доктрине Л. Н. Толстого проявляется в том, что их исполнение поддерживается насилием. Лев Николаевич подчеркивает, что речь идет об организованном насилии, опосредованном государственным аппаратом принуждения [6, с. 126]. Критикуя государство как форму насилия над людьми, он фокусирует внимание на том, что государство, право и воля народа – это своего рода декоративные элементы, которые не имеют отношения к сущности «узаконений». «Узаконения», по его мысли, это лишь оформление выгодных порядков для людей, которые, обладая ресурсом организованного насилия, имеют возможность навязывать другим свою волю. Можно предположить, что критика эксплуататорского государства и права своим исходным началом имеет убеждение Л. Н. Толстого в том, что они играют

сугубо инструментальную роль в целях принятия и исполнения решений, выгодных людям, узурпировавшим государственную власть.

Соответствующее категоричное умозаключение Л. Н. Толстой развивает в «Письме студенту о праве» (1909). В указанном письме приводится критическая оценка психологической теории права, разработанной профессором Петербургского университета Л. И. Петражицким. Как известно, суть этой теории состоит в том, что единственным источником права выступает психика (эмоции) человека, т. е. право – это продукт неких императивно-атрибутивных переживаний [7, с. 86]. Л. И. Петражицкий делил человеческие эмоции на императивные (одностороннее переживание лицом обязанности совершить то или иное действие в пользу другого лица) и императивно-атрибутивные (двусторонняя эмоция, состоящая в одновременном осознании одного лица обязанности совершить то или иное действие и осознании другого лица своей возможности потребовать исполнения обязанности). Л. Н. Толстой критикует подход Л. И. Петражицкого с позиции уже упомянутого восприятия права как ресурса власть имущих лиц.

По мнению Л. Н. Толстого, если строить свои рассуждения не в научном аспекте психологической теории права, а прислушаться к здравому смыслу и попытаться понять истинное значение слова «право», то можно получить предельно простой и ясный ответ: «...правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено» [6, с. 127]. Из этого подхода становится очевидно, что властвующие – это имущие классы эксплуататорского общества, а право в таком обществе призвано служить охране их собственности и привилегий. Этот подход он развивает и применительно к отраслям права.

Выделяя отдельные отрасли права (государственное, гражданское, уголовное и другие), Л. Н. Толстой отмечал, что сущностное назначение любой отрасли права состоит в защите права частной собственности как основы эксплуататорского общества. Очевидно, что под частной собственностью он понимал не имущество трудового народа, а богатства крупных земельных собственников, капиталистов, фабрикантов, наживших свои состояния путем захвата и присвоения народного достояния. Так, суть государственного права состоит в том, чтобы изымать у эксплуатируемых результаты их труда и посылать их на войну; гражданское право закрепляет для одних право на землю и орудия труда, а для других – отсутствие земли и орудий труда; уголовное право призвано узаконить расправу эксплуататоров над представителями трудового народа. Признавая за правом эксплуататорского общества антинародную природу, он пришел к рассуждениям о соотношении права и справедливости.

Понятие права для Л. Н. Толстого не может быть отделено от справедливости, предназначение которой – удовлетворение насущных интересов трудового народа. В этом ключе писатель и оценивал как современное ему полуфеодалное право царской России, так и западное буржуазное право, не считая справедливым ни одно из них. Это утверждение находит свое подтверждение в его трудах.

«Живет, например, – как писал Л. Н. Толстой, – владелец тысячи десятин леса, т. е. человек, пользующийся один вопреки самой несомненной справедливости естественным достоянием многих людей, ограбивший и не перестающий грабить их. И вот, когда один из этих ограбленных людей, нуждающихся в удовлетворении самых первых жизненных

потребностей, идет ночью с топором в лес и срубает дерево с тем, чтобы на вырученные за него деньги купить самое необходимое, его ловят и как нарушителя «права» владельца тысячи десятин леса судят и сажают в тюрьму, лишая тем самым голодную семью последнего работника». По мнению писателя, такое положение дел носит повсеместный характер [6, с. 128–129]. Приведенное описание проявлений эксплуататорского права в художественной литературе наглядно свидетельствует о гуманистической природе взглядов писателя.

Особенное негодование Л. Н. Толстого вызывал тот факт, что современное ему российское право, представляя собой «орудие наглого и беззастенчивого грабежа» трудового народа «богатыми классами», одновременно служило цели сокрытия этого грабежа. Этим деструктивным процессам соответствовала видимость охраны собственности и прав граждан для сокрытия преступлений правящих классов.

Л. Н. Толстой уличал правящие классы в том, что принимаемые ими законы о земельной собственности направлены на то, чтобы лишать крестьян собственной земли: «Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимость своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти неработающих людей» [6, с. 129]. Подобный критический подход у него не ограничивался российскими реалиями.

С подобной резкостью Л. Н. Толстой характеризовал буржуазное право западноевропейских государств, уличая его в том, что оно тоже узаконивает угнетение и эксплуатацию трудящихся масс господствующими классами. По его мнению, буржуазное право, несмотря на провозглашаемый им принцип равенства всех перед законом, по сути своей является правом эксплуататоров и грабителей. В легенде «Разрушение ада и восстановление его» (1903 г.) он саркастически высмеял фальшь и лицемерие принципа формального равенства, из которого исходит буржуазное право: равенство перед законом заключается только в том, что «грабителям удобно продолжать грабить».

Основываясь на своей религиозно-этической концепции непротивления злу насилием, Л. Н. Толстой пришел к отрицанию права вообще, выступая за его замену заповедями христианской любви к ближнему. Порок любого закона он усматривал еще и в том, что «...закон, поддерживаемый насилием, осуждает и преследует только известный, очень узкий ряд поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки такого же порядка, не вошедшие в его определение» [6, с. 130–131]. В то же время общественное мнение осуждает и отрицает всякого рода проявления корыстолюбия: воровство, мошенничество и известные виды распутства и жестокости: нарушение супружеской верности, убийства, увечья, – вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжеистолкованиям определение [6, с. 131]. В данном случае можно предположить, что Л. Н. Толстой критически оценивает не только необходимость права и закона, но и узконормативный характер эксплуататорского законодательства, всецело служащего орудием для выражения и защиты воли эксплуататорского государства.

Кроме того, по мнению Л. Н. Толстого, законы создаются людьми, которые «не могут быть непогрешимы... и... не сделаются непогрешимыми от того, что не соберутся вместе и назовут себя сенатом или каким-нибудь другим таким именем» [6, с. 131]. Данная

фраза показывает, что писатель пришел к выводу о невозможности достижения справедливых законов. Это умозаключение писателя и мыслителя во многом объяснялось тем, что он анализировал современные ему буржуазно-помещичьи государство и право, к которым он питал глубокую неприязнь.

Как мы видим, творчество Л. Н. Толстого напрямую затрагивало наиболее проблемные вопросы общественно-политической повестки дня второй половины XIX – начала XX в. Эту оценку полностью разделяет В. В. Ячевский [8, с. 1]. Аналогичную оценку ранее высказывал и В. И. Ленин [9, с. 38]. Вместе с тем существует и диаметрально противоположная оценка, согласно которой политико-правовые воззрения Л. Н. Толстого в принципе не заслуживают критического анализа [10, с. 93].

Сформулируем итоговые выводы, которые логически вытекают из содержания данной статьи:

- наследие Л. Н. Толстого не ограничивается лишь жанром художественной литературы, находя свое выражение, помимо прочего, еще и в совокупности диалектически взаимосвязанных философских, общественно-политических и правовых воззрений;
- в содержательное понятие сущности права Л. Н. Толстой вкладывал принцип справедливости, описывая не современное ему эксплуататорское право, а скорее, идеальный образ права (философское понимание права);
- эксплуататорская природа государства и права, вне зависимости от их национальной принадлежности, состоит в том, что люди, узурпировавшие верховную власть, имеют возможность навязывать свою волю всему населению;
- существование отраслей права в эксплуататорском государстве подчинено не цели защиты интересов всего народа, а стремлению узурпаторов конкретизировать свои привилегии в различных сферах общественной жизни и закрепить общество;
- не существует норм права, которые выражали бы интересы всего народа, так как любая норма права устанавливается определенными людьми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Труды Московской государственной юридической академии : сб. ст. № 10. М. : ООО «Профобразование». 2003. С. 18–39. Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М. : «Проспект», 2015. 608 с.
2. Егоров А.А. Теория преступления и наказания в трудах Л. Н. Толстого: литературные этюды в образах права // История государства и права. 2025. № 2. С. 15–21.
3. Яснополянский записки Д. П. Маковицкого. Лит. Наследство, 1979, т. 90, кн. 4 (1909–1910). М., 512 с.
4. Смолярчук В. И. Л. Н. Толстой о праве и юридической науке // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 88– 96.
5. Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983. 167 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. 318 с.
7. Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 22 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. Т. 20. Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. М., 1973. 800 с.
9. Бондарев Д. А. Толстой и современность. Л., 1928. 96 с.

REFERENCES

1. Martyshyn O. V. Sovmestimy li osnovnye tipy ponimaniya prava? [Are the Main Types of Understanding Law Compatible?]. Trudy Moskovskoy gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. Sb. statej – Proceedings of the Moscow State Law Academy. Collection of Articles. No. 10. Moscow: Profobrazovanie LLC. 2003, pp. 18-39. (In Russ.).
2. Egorov A. A. Teoriya prestupleniya i nakazaniya v trudah L.N. Tolstogo: literaturnye etyudy v obrazah prava [The Theory of Crime and Punishment in the Works of L.N. Tolstoy: Literary Studies in the Images of Law]. Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law. 2025, no. 2, pp. 15–21. (In Russ.).
3. Yasnopolyanskiye zapiski D. P. Makovickogo [D. P. Makovitsky's Notes from Yasnaya Polyana]. Lit. Nasledstvo, 1979, vol. 90, book 4 (1909–1910). Moscow, 512 p. (In Russ.).
4. Smolyarchuk V. I. L .N. Tolstoj o prave i yuridicheskoy nauke [L.N. Tolstoy on Law and Legal Science]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law, 1978, no. 9, pp. 88 -96. (In Russ.).
5. Yachevsky V. V. Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady L.N. Tolstogo [Social, Political, and Legal Views of L. N. Tolstoy]. Voronezh, 1983, 167 p. (In Russ.).
6. Petrazhitsky L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti [Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, 1907, vol. 1, 318 p. (In Russ.).
7. Yachevsky V. V. Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady L.N. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Social, Political, and Legal Views of Leo Tolstoy: Abstract of Dissertation. ... Candidate of Law]. Moscow, 1979, 22 p. (In Russ.).
8. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. 5-e izd. T. 20. Noyabr' 1910 – noyabr' 1911 [Complete Works. In 55 volumes. 5th edition. Vol. 20. November 1910 – November 1911]. Moscow, 1973, 800 p. (In Russ.).
9. Bondarev D.A. Tolstoj i sovremennost' [Tolstoy and Modern Times]. Leningrad, 1928, 96 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, г. Москва, улица Садовая-Кудринская, дом 9, строение 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Building 2, Moscow, 125993.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 23.12.2026; accepted for publication 19.02.2026.